

И. С. ТУРГЕНЕВ

Акварель К. А. Горбунова, 1838 г.

Государственный литературный музей, Москва.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
И ПИСЕМ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ПИСЬМА

В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

*Издание второе,
исправленное и дополненное*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1982

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПИСЬМА

Том первый

1831—1849

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1982

Т $\frac{4702010100-147}{042(02)-82}$ Подписное

© Издательство «Наука», 1982 г.
Примечания

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее издание писем И. С. Тургенева предпринимается на основе осуществленного Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) АН СССР и издательством «Наука» в 1961—1968 годах издания писем писателя в 13-ти томах (15-ти книгах).

По сравнению с предшествующим предлагаемое ныне вниманию читателей издание является исправленным и существенно дополненным, и прежде всего дополненным новонайденными письмами И. С. Тургенева, как опубликованными за последние годы в СССР и за рубежом, так и пока еще известными лишь по автографам.

Основные принципы издания остаются неизменными и заключаются в следующем.

Все письма, входящие в издание, располагаются в общем хронологическом ряду, имеющем единую для всех томов нумерацию. Основной материал каждого тома составляют письма в собственном смысле, т. е. личные обращения Тургенева в свободной эпистолярной форме к индивидуальным адресатам, а иногда и к коллективным — например, письма в литературные организации, в редакции газет и журналов, если эти обращения не представляют собою критических статей, публицистических выступлений или художественных очерков, входящих в собрание сочинений; сюда же относятся коллективные письма с участием Тургенева — с его подписью или с написанными им частями текста. Помимо этого основного материала, в издание входят, с особой нумерацией, «Официальные письма и деловые бумаги», т. е. обращения Тургенева в правительственные учреждения, в учебные заведения или к лицам, занимающим официальное положение, составленные по узаконенной канцелярской форме или хотя бы и в форме письма, но отражающие не личные, а лишь служебные или официальные отношения.

При установлении общего хронологического ряда писем, т. е. при определении и формулировании датировок каждого письма, соблюдаются правила, предусматривающие разные возможные случаи. Если на письме имеется авторская дата, она сохраняет в печатном тексте формулировку подлинника, причем ошибки, нередкие у Тургенева (несовпадение дней недели и чисел месяца, чисел старого и нового стиля и т. п.), здесь не устраняются. Независимо от

наличия или отсутствия авторской даты, ее правильности или ошибочности каждое письмо снабжено редакторской датой, печатающейся в виде подзаголовка к номеру письма и наименованию адресата. Редакторские даты единообразны (с большей или меньшей возможной точностью) и содержат в себе: число и месяц (в старом и новом стиле, причем дата нового стиля заключается в круглые скобки); год (или два года — для дат конца декабря ст.ст. — начала января н.ст.); место написания письма. Письма с неопределенными датировками располагаются в конце возможного для них периода, причем «началом» месяца считаются 1—5 числа, «серединой» месяца — 13—17 числа, «концом» месяца — 25—31 числа (с оговоркой о старом или новом стиле датировки). Письма, датируемые по почтовому штемпелю, обозначаются «около, не позднее» числа штемпеля. При наличии нескольких писем неопределенной датировки они располагаются в порядке убывающей точности их редакторских датировок; в случае одинаковой возможности для нескольких писем последней даты порядок их определяется возможными начальными датами. Письма, датированные несколькими числами (например, письма-дневники к П. Виардо, Аксаковым, Анненкову), помещаются по последней дате, независимо от начальной. Если в один день написаны письма к нескольким лицам и нельзя установить их последовательность, они располагаются в порядке алфавита адресатов. Все редакторские даты при отсутствии или неточности авторской даты обосновываются в примечаниях к письму. Сомнительные или предположительные даты отмечаются в редакторском подзаголовке знаком вопроса в круглых скобках (?).

Тексты писем, публикуемых по подлинникам, печатаются с соблюдением возможной точности в расположении дат, обращений, приписок, заключительных формул, подписи и т. д. Недописанные или сокращенно написанные слова, кроме общепонятных сокращений, раскрываются полностью (если только сокращение не является необходимым элементом стиля или не имеет особого конспиративного или иного значения, — такие сокращения объясняются в примечаниях). Редакторские дополнения недописанных слов заключены в угловые скобки < >; такими же скобками с тремя дефисами между ними заменяются слова, неудобные для печати. Сомнительные чтения отмечаются в тексте знаком вопроса в угловых скобках <?>. Неразобранные слова обозначаются курсивом в угловых скобках <нрзб.> с цифрой, соответствующей числу непрочитанных слов, если их больше одного. Все редакторские пояснения и примечания к тексту печатаются в сносках, обозначенных буквами, курсивом, в отличие от слов, зачеркнутых или неверно написанных Тургеневым, которые в тех же сносках приводятся прямым шрифтом. Примечания к тексту, принадлежащие самому Тургеневу, печатаются

в сносках со звездочками, тем же шрифтом, что и основной текст. Слова, подчеркнутые Тургеневым, воспроизводятся курсивом, названия газет, журналов и произведений даются в кавычках.

Переводы на русский язык иноязычных писем выделены в особый раздел; переводы отдельных иноязычных слов, фраз и отрывков, находящихся в русском тексте, помещаются в составе примечаний к каждому письму (названия иностранных газет и журналов не переводятся). Встречающиеся в иностранном тексте письма иноязычные слова и фразы (например, немецкие фразы во французских письмах и т. п.) даются в тексте перевода в оригинале и переводятся под строкою. Адреса и даты (кроме адресов получателей на конвертах), написанные на ином языке, чем язык текстов писем, переводятся без особого указания на их иноязычие.

Письма Тургенева печатаются в основном по современным нормам орфографии, с сохранением, однако, некоторых характерных особенностей авторского написания. Сохраняются все те особенности авторской орфографии, которые отражают произношение Тургенева или, во всяком случае, влияют на произношение слов, а также особенности, представляющие намеренную стилизацию — архаизмы, диалектизмы, варваризмы, вульгаризмы и пр. В случаях неустойчивой орфографии, колеблющейся от письма к письму (а в некоторых случаях — и в пределах одного письма), эти колебания сохраняются; сохраняются особенности написания, отражающие эволюцию орфографии Тургенева и его стилистики за ряд лет в продолжение его литературной деятельности. Прочие особенности и колебания в орфографии, представляющие лишь формальные или графические моменты, устраняются и приводятся, как сказано, к современным нормам.

То же относится и к пунктуации: она в основном нормализована (введены, например, нередко отсутствующие в эпистолярной скорописи запятые перед придаточными предложениями, причастными и деепричастными оборотами и пр.), но сохраняются характерные для Тургенева употребления тире (внутри фраз), многоточий, эмоциональных знаков, а также расстановка знаков, имеющих интонационное значение. Не сохраняются частые у Тургенева тире в конце фраз, после точки, за исключением случаев, когда такие тире имеют значение абзаца — перерыва между двумя разными темами.

Орфография и пунктуация иноязычных текстов подчинены тем же основным правилам, соответственно нормам каждого языка, но с соблюдением особенностей, характерных для эпохи или лично для Тургенева.

Явные буквенные описки Тургенева и явные опечатки в текстах, публикуемых по печатным источникам, исправляются без

оговорок; более серьезные описки (или опечатки) оговариваются в подстрочных примечаниях.

Восстанавливаются без оговорок отдельные слова и фразы, вычеркнутые в письмах Тургенева при подготовке их к публикации самими его корреспондентами (например, немецкие фразы интимного характера в письмах к П. Виардо и т. п.).

Пояснительный аппарат к текстам писем состоит из примечаний и указателей.

Примечания содержат в себе историко-литературные, био-библиографические, исторические и т. п. пояснения к тексту письма; они обозначены цифрами, которые даются в текстах писем и повторяются в переводах.

Каждый том писем содержит указатели: а) писем Тургенева по адресатам; б) мест пребывания Тургенева за период, охватываемый томом; в) произведений Тургенева, упоминаемых как в письмах, так и в комментариях; г) аннотированный указатель личных имен и названий периодических изданий, встречающихся в томе; имена адресатов писем отмечаются в указателе звездочками.

Аннотации к личным именам содержат лишь самые необходимые биографические справки общего характера и указания на взаимоотношения данного лица с Тургеневым (также в общем плане). Сведения о переписке Тургенева с данным лицом содержатся в указателе в тех случаях, если это лицо является адресатом Тургенева в данном томе или если известно, что в период, охватываемый данным томом, это лицо было в переписке с Тургеневым, но письма обеих сторон или одной стороны до нас не дошли. В некоторых случаях дополнительные сведения о письмах Тургенева и к Тургеневу, не дошедших до нас, но известных по упоминаниям, даются в примечаниях к соответствующим томам.

В последующих томах (начиная со 2-го) лица, упоминавшиеся в предшествующих, входят в указатель без аннотаций, со ссылкой на тот том, где о них приводятся основные сведения.

Ссылки на места хранения подлинников, на публикации, на литературу предмета (названия сборников, издания сочинений Тургенева и других писателей-классиков, важнейшие исследования, часто цитируемые) даются в сокращениях. Список условных сокращений помещается в каждом томе; условные сокращения, раскрытые в предшествующих томах, в последующих не отмечаются; сводный список условных сокращений, принятых в издании, будет помещен в последнем его томе.

Общие замечания к каждому тому печатаются перед комментариями.

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА

1

Письма писателей — важный источник, имеющий большое и разностороннее значение для изучения личности и творчества их авторов, времени, в которое они жили, людей, которые их окружали и входили с ними в непосредственное общение. Но писательское письмо — не только историческое свидетельство; оно существенно отличается от любого другого бытового письменного памятника, архивной записи или даже прочих эпистолярных документов; письмо находится в непосредственной близости к художественной литературе и может порой превращаться в особый вид художественного творчества, видоизменяя свои формы в соответствии с литературным развитием, сопутствуя последнему или предупреждая его будущие жанровые и стилистические особенности.

В русских учебных руководствах риторики и поэтики начала XIX в. письмо определялось как промежуточный вид между диалогом и монологом, как «разговоры или беседы с отсутствующими», заступающие место «изустного разговора, но заключающие в себе речи одного лица»¹, — как своего рода застывшая, запечатленная на бумаге речь, обращенная к действительному или воображаемому собеседнику. Однако многообразие форм, придерживаться которых рекомендовалось при писании писем в реальной жизни, подлежало тогда еще более или менее строгой регламентации, в соответствии с правилами поведения и формами личного общения в обществе, скованном всякого рода условностями, социальными преградами и запретами; отсюда и распространенность, в особенности в тех общественных слоях, которые были непричастны к литературе и творческой деятельности, «письмовников» различных типов — руководств и пособий для сочинения писем по готовым образцам. Писательская практика, напротив, ломала традиционные эпистолярные штампы, высмеивала их и очень рано стала придавать письмам как произведениям художественного творчества самодовлеющее зна-

¹ Г р е ч Н. И. Учебная книга российской словесности. СПб., 1819. Ч. 1, с. 42. Родственные признаки «письма» и «разговора», подвергнувшись письменной фиксации, долго служили еще предметом для различных сопоставлений и сближений. См., например: K a p s t e i n A. Gespräch und Brief. Buchenbach — Baden, 1924.

чение. В жанровом смысле писательское письмо могло приближаться то к дневнику, как одному из видов внутреннего монолога, то к мемуарам, как одной из форм автобиографического повествования. Разнообразие видов писем литературных деятелей, впрочем, всегда было настолько значительным, что эти виды едва ли поддаются сколько-нибудь удовлетворительной классификации или систематическому обзору. Можно говорить лишь об относительной связи их с литературой того или иного исторического времени, поскольку бытовое частное письмо и письмо как элемент литературного произведения (в том числе и важнейший, определяющий его структуру) всегда находились между собой в параллельных взаимодействиях и неизменно заключали в себе сходные стилистические признаки.

В истории западноевропейских литератур XVII—XVIII вв. письмо как литературный жанр приняло довольно устойчивые формы. Оно способствовало возникновению особого вида романа, романа-переписки, удержавшегося и позже в качестве одного из любимых и удобных видов словесного творчества. В то же время «литературное письмо» как один из способов умственного общения автора с окружающими его людьми числило среди своих мастеров многих писателей и других примечательных исторических лиц; последние благодаря своим письмам, оказавшимся достойными печати, приобретали также и литературное имя ².

В русской литературе второй половины XVIII в. и начала XIX в. наблюдались подобные явления. Такой же популярностью пользовался у нас тогда эпистолярный роман, приближавший действие к естественной обстановке или к обстоятельствам реальной жизни и совершенствовавший технику воспроизведения в повести или романе психических состояний и эволюции немногих действующих лиц — воображаемых корреспондентов. Позднее весьма совершенные образцы эпистолярных повестей в русской литературе дали Пушкин («Роман в письмах», 1829), Достоевский («Бедные люди», 1846), Тургенев («Переписка», 1856; «Фауст. Рассказ в девяти письмах», 1856) и др., а наряду с этим техника включения писем действующих лиц в повествование большой эпической формы продолжала развиваться. И здесь Пушкин первый дал удивительные образцы литературного мастерства, — это столь не похожие друг

² Du ret V. L'art de correspondre et les maîtres du genre épistolaire du siècle de Louis XIV. Vienne, 1866. См. также: Vic. de Broc. Le style épistolaire. Paris, 1901. Книга де Брока предлагает для сопоставления наиболее прославленные образцы писем от Цицерона и Плиния младшего до Буало, г-жи де Севинье, Монтенон, Дюдеффан и Вольтера. Такие же хрестоматии избранных писем имеются и в других западноевропейских литературах — английской, немецкой и др.

на друга и в то же время типические письма Савельича в «Капитанской дочке», старой няни в «Дубровском», Татьяны в «Евгении Онегине» и др. Однако в эволюции письма в русской литературе и общественной жизни первой половины XIX в. по сравнению с другими странами наметились свои особенности.

В начале XIX столетия письма русских литераторов представляли собой важный фактор общего литературного развития; эти письма выходили за сравнительно узкие пределы бытового средства связи, приобретая особую функцию, как и вся рукописная литература, живее и полнее отображавшая умственные запросы русского общества, чем подцензурная печать. Чем сильнее был цензурный гнет, тем большее распространение получала рукописная литература и тем самым повышалась роль утаенных от цензурного досмотра эпистолярных листков, по необходимости восполнявших все виды легальной печати: они были хроникой новостей, достопримечательных событий общественной жизни и комментарием к ним, изложением заветных мыслей и чувств, которыми стоило поделиться с доверенными лицами. Письма служили и другой цели, являясь своего рода опытным участком для разнообразных жанровых и стилистических экспериментов: они способствовали разработке литературного языка, мастерству воспроизведения непринужденной, живой, звучащей речи³. Недаром письма именно в то время получили столь широкое распространение и искусство их писания доведено было до такого совершенства: при самом своем возникновении многие из них приобрели самостоятельное литературное значение как своего рода шедевры словесного мастерства. Достаточно вспомнить дружескую переписку Пушкина, П. А. Вяземского, А. И. Тургенева и всего их литературного круга. Письма нередко и писались тогда как бы в расчете на будущее опубликование⁴ и во всяком случае часто предназначались не для одного лишь адресата. Они ходили по рукам в копиях, их переписывали, читали вслух в интимном дружеском кругу; их хранили в домашних, семейных архивах для будущих поколений, пользуясь в то же время возможными случаями

³ Степанов Н. Дружеское письмо начала XIX в. — В сб.: Русская проза/Под ред. Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова. Л., 1926, с. 74—101; Паперно И. А. О двуязычной переписке пушкинской поры. — Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та, 1975, т. XXIV, Труды по рус. и славян. филол., вып. II, с. 148—156; Todd William Mills III. The Familiar letter as a literary genre in the age of Pushkin. Princeton, New Jersey, 1976. 230 p.

⁴ Об одном из писем П. А. Вяземского А. И. Тургенев в своем ответном послании отзывался так: «Жуковскому письмо очень понравилось, и он хотел у меня отнять его, но это значило бы отнять его у бессмертия, ибо я берегу твои письма, чтобы со временем под свободным небом издать их в свет и сделать из тебя самого второй том Галиани» (Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. I, с. 232).

и поводами для напечатания то полностью, то в извлечениях и обработке. Иные из корреспондентов в писании многочисленных дружеских писем почти полностью исчерпывали свою творческую потребность, превращали сочинительство писем в самоцель, в главную отрасль своей умственной деятельности; таков был, например, А. И. Тургенев, мало и редко печатавший свои сочинения, но бывший поистине неутомимым и всеми ценившимся корреспондентом: заграничные письма его к друзьям представляют собой не только замечательные образцы русского эпистолярного стиля, но и первоклассные документально-исторические источники.

Многие из писательских дружеских писем первой половины XIX в. в силу особых условий русской исторической жизни могли приобретать также особое общественно-политическое звучание: они превращались порой в красноречивые и содержательные политические памфлеты, в своеобразное, ничем не стесняемое «исповедание веры», в изложение целой системы взглядов, философских убеждений, прокламировали их социально-политические воззрения, надежды, прогнозы. Это прежде всего некоторые письма декабристов, рассчитанные на узкий круг читателей-единомышленников или противников (например, критико-полемические письма М. Ф. Орлова 1819—1820 гг. к Д. П. Бутурлину, реакционному историку), «Философические письма» П. Я. Чаадаева, отразившие духовный кризис дворянской интеллигенции после восстания декабристов, еще позднее — такой прославленный в истории русской общественной мысли социально-политический трактат, как письмо Белинского к Гоголю, служившее ответом на гоголевскую «Переписку с друзьями»; характерно, что эта «Переписка» — плод заблуждений и ошибок смятенного духа автора, дошедшего до проповеди обскурантизма, — в жанровом отношении восходила к «эпистолярной» форме дидактического трактата, поучения, пастырского увещания. А наряду с одобренными цензурой письмами Гоголя и презревшим ее мстительность ответным письмом на них Белинского в русском обществе стало звучать, всё громче и призывнее, вольное слово писем Герцена, одного из признанных европейских мастеров программного пропагандистского политического письма, с призывами к разуму и совести и требованиями революционного дела.

Все перечисленные явления русской эпистолярной литературы, несмотря на глубокие идейные различия важнейших ее памятников, свидетельствуют о той особой и выдающейся роли, которую письмо играло в первой половине XIX в. Различным его видам и формам было обеспечено заметное и почетное место в истории русской мысли и литературного развития. В этот период письмо прошло у нас все стадии своей эволюции как самостоятельного литературного жанра, испробовало различные пути своего применения и стилистической

обработки, звучало во всех регистрах человеческих голосов и в разных вариантах своей социальной обусловленности и общественных функций. Всё это было хорошо известно Тургеневу. Литературная деятельность его началась еще в то время, когда эпистолярный жанр пользовался популярностью у читателей, культ «дружеского письма» был широко распространен за пределами писательских кругов, а прочно установившаяся эпистолярная традиция содействовала выработке у каждого литератора навыков к писанию писем различных видов и назначения. На глазах Тургенева создавались прославленные впоследствии произведения эпистолярного жанра; он внимательно изучал лучшие его образцы, относящиеся как к прошлому, так и к настоящему русской и западноевропейских литератур.

И в воспоминаниях о Тургеневе, и в его собственных письмах находится много тому свидетельств. Так, знакомясь с эпистолярной литературой древнего Рима, Тургенев «крайне интересовался» «Письмами» Цицерона⁵. Он прекрасно знал французскую эпистолярную литературу XVIII в. (хороший подбор этих книг хранился в библиотеке в селе Спасском); в частности, он восторгался последним неотправленным письмом г-жи Ролан к Робеспьеру, опубликованным в ее мемуарах, называл это письмо «настоящим шедевром» (письмо к Л. и П. Виардо от 18(30) сентября 1850 г.). Столь же основательным было его знакомство с эпистолярными памятниками английской литературы — от писавшихся для печати «Писем леди Монтегью» (он приводит большую выписку отсюда в письме к П. Виардо от 28 июля (9 августа) 1849 г.) и романов Ричардсона до житейских писем Байрона, изданных Т. Муром. Немецкая литература, в которой эпистолярный жанр был представлен широко и разнообразно, также не была обойдена Тургеневым. Интересуясь сочинениями Жан-Поля, он, несомненно, знал его знаменитое и столько раз воспроизводившееся определение: «Книги — это обширные письма к друзьям, письма — это лишь тонкие книги для всего мира»⁶. Известны отзывы Тургенева о таких прославленных образцах немецкой эпистолярной прозы, как письма Мерка, которым он предполагал посвятить особую статью, или «Переписка Гёте с ребенком» Беттины фон Арним, столь популярной в кружке Станкевича. Все

⁵ Е. М. Феоктистов вспоминает, что, с увлечением читая «Письма» Цицерона, Тургенев по вечерам сообщал друзьям свои впечатления об этой книге «с обычным своим остроумием и блеском» (Тургеневский сборник/Под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921, с. 175).

⁶ Это был лишь вариант афоризма, принадлежащего немецкому сатирику XVIII в. Т. Гишпелю: «Тот, кто пишет письмо, должен думать, что он обращается ко всему миру; тот, кто пишет книгу, — адресует ее к близкому другу» (см.: Jean Paul. Sämtliche Werke/Historisch-kritische Ausgabe von E. Berend. Weimar, 1930. Bd. V, Erste Abteilung, S. 471, 550).

эти читанные Тургеневым книги писем разных эпох и на разных языках — с их жанровым сходством и стилистическими отличиями — открывали перед ним широкие возможности для сопоставлений, а вместе с тем и для выработки собственной эпистолярной манеры. Тургенев в состоянии был оценить изящный и легкий стиль салонной болтовни в письмах французских, тяжеловатый повествовательный стиль писем английских и не менее специфические особенности писем немецких, с характерной для них философской отвлеченностью. Перепиской русских писателей, в особенности пушкинской поры, как изданной, так и неизданной, Тургенев интересовался особо на протяжении всей своей жизни. В 1878 г. он опубликовал в «Вестнике Европы» письма Пушкина к жене, предоставленные ему для печати дочерью поэта, а в 1880 г. хлопотал о получении других, никому не известных тогда писем Пушкина, находившихся в то время у его сыновей ⁷. Ранее Тургенев готовил к изданию письма Е. А. Баратынского, врученные ему в подлинниках, и пытался раздобыть письма А. А. Дельвига от его младшего брата ⁸. Всеми этими рукописями Тургенев был увлечен не только потому, что в них «нравы и быт эпохи» «отразились хотя быстрыми, но яркими чертами», но и потому также, что в них запечатлены живые человеческие черты их авторов (в письмах Пушкина, по его словам, «так и бьет струею светлый и мужественный ум Пушкина, поражает прямота и верность его взглядов»); Тургенев не мог не оценить также их выдающиеся литературные качества; он был первым подлинным ценителем этих замечательных памятников русской эпистолярной прозы. Все это в немалой степени помогло и самому Тургеневу в конце концов стать одним из видных и общепризнанных мастеров эпистолярного искусства.

2

Первые дошедшие до нас письма Тургенева относятся к началу 1830-х годов, ко времени его отрочества и юности. Уже в то время,

⁷ Садовников Д. Н. Встречи с И. С. Тургеневым. — Русское прошлое, 1923, кн. 3, с. 101.

⁸ См. письма Тургенева к С. Т. Аксакову от 31 мая (12 июня) 1854 г. и к Некрасову от 15 (27) и 29 октября (10 ноября) 1854 г. Публикуя в «Современнике» 15 стихотворений Баратынского, Тургенев упомянул полученное им «от г-жи Баратынской небольшое, но драгоценное собрание писем ее покойного мужа к ней, к Пушкину и др., и также несколько писем Дельвига к Баратынскому» и, озабоченный тем, что без следа пропадают подобные рукописи, обращался с просьбой ко всем друзьям и приятелям Баратынского: «Не захотят ли те из них, у которых находятся его письма, прислать мне их в копиях?» (Современник, 1854, № 10, с. 147—148). Хотя статья о Баратынском была «почти кончена», а «письма его все переписаны», Тургенев не довел до конца эту работу, и она не была напечатана.

побуждаемый к этому родными, он приучался писать длинные письма, письма-дневники, своего рода хроники, с последовательным обзорением всего, что с ним происходило, описанием хода его учения, впечатлений от книг, им прочитанных. Писать письма такого рода было в то время в обычае в русских дворянских семьях; не без оснований им придавалось особое педагогическое значение. В конце 20-х годов журнал «Московский телеграф» (Тургенев-мальчик читал его внимательно) поместил на своих страницах целую статью под заглавием «Необходимость переписки между родными», в которой не без иронии относился к этому распространенному тогда обыкновению. Ситуация, описанная в «Московском телеграфе», весьма близка к той, благодаря которой до нас дошли ранние письма Тургенева, писанные еще неопытным пером будущего романиста.

В этом журнале рассказывается о некоем дядюшке, упрекающем своего племянника за то, что тот мало ему пишет. Племянник оправдывается: «Да о чем же мне писать, дядюшка? Если наполнить письмо только одними учтивыми фразами и уверять в покорности своей к услугам вашим, так об этом писать нечего: надобно доказывать любовь свою к родным не на письме, а на деле». Дядя упорствует: «Да все-таки, хоть бы что-нибудь да написал». «Ах, дядюшка! — отвечает племянник. — Письмописание доведено у нас до такой степени совершенства, что если примемся за перо, то напрасно будем искать новых выражений: все они ежедневно разъезжают по губерниям, так что иногда подумаешь, будто играешь в волап с тем, с кем имеешь переписку». Но эти доводы дядюшку не убеждают, и молодой человек, с неудовольствием видя, что ему придется покориться необходимости писать «хоть вздор, хоть одни учтивости», — потому что *«между родными так водится»*, — составляет типические образцы таких писем, которые «целыми кипами ежедневно приезжают во все почтамы»⁹.

Ранние письма Тургенева к отцу и матери, до нас не дошедшие, вероятно, несколько походили на эти образцы, представляя собою почтительные, но довольно бессодержательные отписки в ответ на поучения и наставления: как известно, особой душевной близости между Тургеневым-мальчиком и его родителями не было. Относительно отца, С. Н. Тургенева, известно, что он был не только заботлив, но и требователен по отношению к сыновьям. Он сам писал им длинейшие письма, в которых подробно расспрашивал о жизни, в особенности о ходе учебных занятий, и добивался, чтобы ответы на все вопросы были столь же обстоятельны. По словам одного из его писем 1830 г., ему надо было писать «не просто: „мною учителя довольны, стараюсь помнить твои приказания“, но сооб-

⁹ Н — в И. Необходимость переписки между родными. — Московский телеграф, 1827, ч. XV, с. 115—121.